

---

---

## ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ

У государей из династии Романовых составила необычная традиция. Более века *все* монархи из этого рода всходили на престол в подростковом возрасте.

Причем трон нередко доставался именно тому наследнику, которого менее всего готовили к большой политической деятельности.

Основатель династии, царь Михаил Федорович, сделался монархом шестнадцати лет от роду. Бедствия Смуты коснулись державного юноши, но не успели отравить его личность. Зато и в делах государственного правления он понимал ничтожно мало. Обучить его искусству власти мог бы отец — впоследствии патриарх Филарет, — но он несколько лет провел у поляков в плену и не мог влиять на воспитание отпрыска.

Сын Михаила Федоровича сменил отца на троне в том же самом возрасте. Его воспитывали вполне традиционно — как мальчиков из боярских семейств, как многочисленных сыновей в боярском роде Романовых. Образование Алексея Михайловича имело в большей степени касательство к духовной, христианской сфере, нежели к точным наукам и гуманитарным дисциплинам. Даже военное дело оказалось почти неизвестным для молодого царя.

Братья Федора Алексеевича — Иван и Петр — не нарушили старинного обычая. Первый из них оказался монархом за несколько месяцев до шестнадцатилетия. Второй короновался в десять лет, а после смещения регентши царевны Софьи начал самостоятельное правление... о шестнадцати годах. Судить о знаниях Ивана Алексеевича сложно: слабость зрения и иные хвори делали для него в принципе проблематичной сколько-нибудь серьезную учебу. Петра Алексеевича обучали, и неплохо, — старший брат, государь Федор Алексеевич, присматривал за этим. Однако Петр с отроческого возраста был выброшен на периферию российской общественной жизни.

Правительница Софья вытеснила семейство Нарышкиных, в том числе и подростка Петра, с политической арены. Образовательный процесс хаотизировался. Теперь отрока учили «чему-нибудь и как-нибудь». Потому-то, быть может, на протяжении всей жизни Петр Алексеевич брался с такой жадностью осваивать новые сферы знания, что с малых лет оказался лишен хорошей школы.

Наконец, юноша в европейском платье, Петр II, прошел перед своими подданными как прекрасное привидение. В полуразмытом облике его еще толком не научились видеть фигуру правителя, а смерть уже резанула остро наточенной косой по нитям, связывающим тело и душу. Он стал императором всероссийским, не достигнув двенадцати лет, и царствовал менее двух с половиной лет. Стоит ли обсуждать степень его готовности править страной?

Проблема тут, видимо, в каком-то генетическом заболевании. Трудно сказать, в чем дело, но со времен Михаила Федоровича Романовы получили не только трон, но и какую-то дурную наследственность. До Михаила Федоровича род мог похвастаться отличными воеводами, превосходными администраторами, крепкими мужчинами, коим назначен был долгий век. Но как только один из них надел царский венец, над всем родом нависла печальная судьба. Романовым отлично удавались девочки — красивые, здоровые долгожительницы, а вот с мальчиками выходило иначе. Они реже рождались, чаще болели, скорее уходили на тот свет от нездоровья. Многие умерли во младенчестве или же не дотянув до зрелого возраста.

Любопытно: династия обращала самое пристальное внимание на собственное здоровье. О нем заботились основательно, со вкусом и тщанием. Домовитые, любившие комфорт Романовы, сторонники степенной старомосковской жизни, садов, богомолья и охотничьих забав, не пьяницы и не развратники, они, кажется, вели самый здоровый образ жизни. Однако результатом подобного рода забот и разумной умеренности в удовольствиях почему-то становилась... недолгая, усеянная хворями жизнь государей из их семейства.

Михаил Федорович скончался в 49 лет. Алексей Михайлович прожил на три года меньше. О Федоре Алексеевиче и Петре II сказать нечего: один умер молодым, другой — совсем юным. Недолгий век достался Ивану Алексеевичу — всего-то 29 лет. При таком соседстве Петр Великий выглядит истинным долгожителем, хотя родился он в 1672 году, а оставил мир — в 1725-м. То есть, по современным понятиям, тоже далеко не старик...

Бог весть, чья тут вина. То ли упомянутое наследственное заболевание таилось в генах самого рода Романовых, то ли всему виной неудачные браки. Царская династия пошла от потомков Михаила Федоровича и его второй жены Евдокии Стрешневой. И, как знать, не стрешневская ли кровь, смешавшись с романовской, принесла печальные плоды... Или, может быть, дело в нежно любимой супруге Алексея Михайловича Марии Милославской, от которой родилось 13 (!) детей, в том числе пять мальчиков, ни один из которых не жил долго...

Да стоит ли гадать?

Для судьбы Федора Алексеевича довольно того, что краткая его биография и восшествие на престол в юные годы — совсем не исключение. Можно сказать, он, сам того не желая, следовал странной семейной традиции.

Но в отличие от отца, деда и младших братьев Федор Алексеевич прошел основательную подготовку к делам правления. В этом смысле он все-таки исключение из общего правила. Притом исключение приятное.

Изначально государь Алексей Михайлович вовсе не возлагал на Федора каких-либо надежд, связанных с престолонаследием. Он был, как уже говорилось, третьим мальчиком, родившимся у царицы Марии Ильиничны Милославской. Если первенец, царевич Дмитрий, скончался в младенческом возрасте, то второй сын дожил до отроческих лет, и никто не предрекал ему несчастливого конца.

Итак, к восшествию на престол предназначался другой царевич — Алексей Алексеевич. Его официально объявили преемником отца. И учили с большой основательностью — гораздо лучше, нежели самого Алексея Михайловича. Современники отзывались о нем как о мальчике с отличными способностями, прилежном в чтении, умном. Отец, выезжая по делам из столицы, официально назначал его старшим лицом в правительственной комиссии, временно замещавшей монарха.

Но человек предполагает, а Бог располагает...

Алексей Алексеевич скоропостижно скончался в январе 1670 года, чуть-чуть не дотянув до шестнадцатилетия. Только тогда настал черед Федора — восьмилетнего мальчика со скверным здоровьем... но зато с хорошими учителями.

В сентябре 1675 года царевича явили народу и официально огласили как нового царского преемника. При этом событии присутствовали послы императора Леопольда I. От секретаря императорской дипломатической миссии Адольфа Лизека остались любопытные заметки.

По его словам, посла принял в «Коломенском замке» Алексей Михайлович совместно с сыном: «Его царское Величество сидел на троне без балдахина, и по левую руку августейший сын его. В руках каждого был скипетр, с полумесяцем на верхнем конце. На обоих кафтан и ферязь (тога, ниспадавшая складками до самой земли) были шелковые красные и застегивались, по народному обыкновению, золотыми пуговицами. Множество крупного жемчужного ожерелья на шее более отягощало их, нежели служило украшением. На митре (венце) драгоценные камни спереди и сзади имели такой необыкновенный блеск, что она казалась вся в огне»<sup>9</sup>. Немецким дипломатам было объявлено: скоро состоится церемония, в ходе которой царский сын «впервые будет объявлен наследником престола». Те решили достойно одарить наследника и «...поднесли ему свои вещи, что у них было лучшего, а именно жемчужину, величиной больше грецкого ореха, имевшую вид львенка, двое небольших золотых часов, ценой каждые в сто империалов, дюжину середок для перчаток, напитанных амброю, и столько же шелковых чулков. Все это было разложено на четырех серебряных блюдах»<sup>10</sup>.

Несколько дней спустя Федора Алексеевича публично назвали престолонаследником. Несколькими месяцами ранее ему исполнилось 14 лет...

Отрок, возможно, и не подозревал о наличии серьезного врага. Но его родня — Милославские — точно знала, кого им следует опасаться.

Восхождение Федора Алексеевича на степень наследника престола, а потом и венчание его на царство не были безмятежными. Вокруг трона происходила борьба, слава богу, не вырвавшаяся на улицы, как это случится в начале следующего царствования. Но хлопот Милославским она добавила изрядно.

Во главе соперничающей с ними партии встал талантливый дипломат и доверенный человек Алексея Михайловича боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Роль его в противоборстве, развернувшемся при дворе второго монарха из династии Романовых, вызывает споры среди историков. Одно ясно: между ним и Милославскими сложились враждебные отношения.

Милославские считали, что Матвеев уговаривает царя Алексея Михайловича передать трон другому сыну — Петру. Его родила вторая жена царя, Наталья Кирилловна Нарышкина, — племянница Матвеева и его «креатура» при дворе. При

царе-мальчике, пользуясь благорасположением царицы, Матвеев стал бы всемогущим правителем.

У Матвеева имелся серьезный аргумент против Федора Алексеевича: его слабое здоровье. Дескать, крепыш Петр в перспективе лучше справится с тяжелым бременем власти.

В сообщениях иностранцев, посещавших тогда Москву, запечатлелись отголоски его «агитации». Они-то и питают разные оценки произошедших тогда событий. То ли Матвеев на самом деле предпринял активные действия против царевича Федора, то ли Милославские пожелали выбросить с верхнего этажа власти сильного вельможу и оговорили его. В любом случае Артамон Сергеевич прослыл неприятелем Федора. Поскольку разные и совершенно не зависящие друг от друга сочинения иноземцев говорят об одном: Матвеев действительно сделал несколько рискованных политических ходов, — скорее, верно первое. Вряд ли он стал жертвой наговора. Правдоподобнее видеть в его «комбинации» рискованную авантюру, попытку дворцового переворота, закончившуюся крахом.

Один из зарубежных дипломатов писал: «[Алексею Михайловичу] наследовал Феодор Алексеевич, хотя при избрании и было немало споров между вельможами... Вышеупомянутый Артемон (Матвеев. — Д. В.), самый умный из них, при помощи многих приверженцев хотел было младшего возвести на престол: по их мнению, он был умнее брата своего Феодора. Долгорукий с приверженцами стоял за старейшего — среднего брата Феодора; долго они спорили, в спорах принял участие народ и решил — быть царем Феодору...» В этом сообщении «смешались ложь и истина». Вряд ли имело смысл сравнивать ум *четырёхлетнего* Петра и *четырёхнадцатилетнего* Федора. Тут видно вольное фантазирование на основе неясных слухов. Да и народ конечно же никакого отношения к выбору царя не имел. Зато самое прямое к тому касательство имели государь Алексей Михайлович и придворные аристократические «партии». Как видно, царь все же не прислушался к речам Артамона Матвеева — он склонялся оставить трон Федору, потому и назвал его наследником за несколько месяцев до собственной кончины. Ну а после ухода Алексея Михайловича «партия» Долгоруких оказалась проворнее и сильнее «партии» Матвеева. «Царь этот, — продолжает иноземец, — питая недоброжелательство к Артемону, отнял у него имущество, для вывоза коего, говорят, едва хватило 14 дней, и отправил его за 200 почти миль в ссылку, родных его подвергнул опале и назначил ему на содержание не больше трех копеек (5 копеек равны нашим 9 крейцерам) в сутки. Младший же брат царя во избежа-

ние неприятностей удалился в свое дальнейшее поместье и жил там, как частное лицо. Долгорукий при этом царе первенствовал и пользовался таким уважением, каким Артемон при его отце»<sup>11</sup>.

Итак, незадолго до смерти Алексея Михайловича у подножия трона разгорелась жестокая борьба за право возвести на престол «своего» претендента. Она началась уже *после того*, как царевич Федор был оглашен в качестве наследника Алексея Михайловича. В решающую фазу борьба эта вступила, когда царь оказался на пороге смерти, а также сразу после его похорон.

Одни авторы представляют ее как мирные уговоры царя Алексея Михайловича, отходящего от света сего.

Вот, например:

«Государь московский, призвавши Артемона, на смертном одре просил у него совета, которого из сыновей прежде своей кончины назначить государем московским и которому из трех передать свой скипетр. Артемон советует ему, обошед старших сыновей, Феодора и Иоанна, вручить правление младшему из них, Петру. Артемон хлопотал об нем потому, что был ему родственник по матери; но умирающему государю он представил причины, почему так советует, именно: Феодор слаб и расстроен здоровьем с самой юности; Иоанн нездоров глазами и близорук, а потому и к правлению такого государства неспособен; притом он не имеет ни одного доблестного качества, даже не имеет столько благоразумия, чтобы править самим собою и таким царством. Феодора он представлял также неспособным к правлению... И так Артемон советовал вручить скипетр правления Петру, не смотря на его малолетство; он говорил, что Петр по одному своему виду достоин быть Царем, что он по взгляду Марс, величествен по наружности и цветет свежестию юности. Из всего этого он предрекал блаженные времена его царствования и обещал, что если государь передаст ему власть правления, то единодушно все признают Петра царем, и что сам он (Артемон) за малолетством его поможет ему советами своими в делах правления. Лишь только дошел об этом слух до принцев крови, особенно до их теток и сестер, бывших тогда во дворце, — слух о том, что Артемон старается возвести на престол свой род и фамилию Нарышкиных, тотчас они посылают за Одоевским, Милославским и другими, прося, чтобы они поспешили к ним как можно скорее. София встречает явившихся на зов бояр с воплем и слезами; а бояре, уже пылавшие ненавистью к Артемону, входят в спальню государя, уже умирающего, и умоляют его немедленно пред их глазами вручить правление государства

старшему сыну, Феодору, и благословить его. Умиравший отец, побежденный их мольбой, исполнил их желание, отдал верховную власть своему сыну Феодору»<sup>12</sup>.

Процитированный выше источник рассказывает о противостоянии аристократических «партий» постно и благостно.

Речь идет о высшей власти в огромной державе. Речь идет о непримиримых врагах: возвышение Нарышкиных и их союзника Матвеева означает автоматическое падение Милославских со всеми их сторонниками. Следовательно, их постигнет опала, возможно, ссылка, а то и неожиданная смерть.

Опасно оставлять взрослого наследника в живых... Опасно давать ему опору в опытных по части дворцовых интриг вельможах...

Печальная судьба ожидала в случае поражения и противоположную «партию» — уход на периферию большой политики, ссылки и т. п. Как, в сущности, и произойдет.

А тут: пришли к умирающему, молили, поливали слезами... Больше похоже не на решение большого политического дела, а на родительское собрание, возглавленное строгой учительницей. Можно предположить несколько более жесткости в действиях противоборствующих групп. Думается, вернее описывают ситуацию при дворе более осведомленные иностранные дипломаты, а также иные агенты иностранных государств в России.

Так, по сведениям одного из них, Алексей Михайлович совершенно определенно высказался в пользу Федора и никогда не колебался на сей счет. Государь назначил в качестве опекуна князя Юрия Алексеевича Долгорукого — ему хоть и было далеко за семьдесят, а все же он имел репутацию превосходного полководца, толкового администратора, опытного царедворца. «По московскому обычаю, нового царя должны были избрать в тот же день, в день смерти прежнего царя\*. Но Артемон утаивал смерть царя и, подговорив стрельцов к единодушному избранию на царство Петра, своего малолетнего родственника, а не Феодора, которого благословил отец, уже поздно ночью сообщил боярам о смерти царя и, посадив младенца Петра на трон, убеждал их признать его царем без всякого прекословия, потому что Феодор опух и лежит больной, так что мало надежды на его жизнь и еще меньше на то, чтобы он благополучно правил ими и воевал с внешними врагами». Выходит, обошлось без «уговоров» царя Алексея Михайлови-

---

\* Такого обычая нет. Просто политическая необходимость всегда и неизменно диктовала как правительству, так и династии: трон не должен пустовать долго!

ча, и вся матвеевская интрига могла сосредоточиться на кратком периоде междуцарствия. Но «...бояре, узнав от патриарха, бывшего при смерти царя, что царь, умирая, благословил на царство царевича Феодора и опекуном назначил Юрия Долгорукого, ожидали прибытия этого последнего... Юрий Долгорукий, приехав во дворец и рыча, как вол, с горя по случаю кончины царя, спрашивал у патриарха, кого отец благословил на царство. Патриарх отвечал, что царевича Феодора. Тогда Долгорукий и бояре, не слушая убеждений Артемона об избрании на царство Петра, устремились к больному Феодору; видя, что двери затворены и заперты, велели их выбивать и выламывать; войдя к нему с рыданием и плачем о смерти его отца, с радостью понесли его (потому что он сам ходить не мог) и, посадивши на престол, подходили к его руке, поздравляя с воцарением. Между тем мать царя Петра и Артемон, не будучи в состоянии противодействовать могуществу бояр и Долгорукого, вместе со своими советниками скрылись»<sup>13</sup>.

Вот это — более правдоподобно. Привлечь к делу стрельцов, попытаться обмануть ближайших к покойному монарху вельмож умильными речами, запереть истинного наследника, скрыть кончину благодетеля своего — такое в духе блистательного интригана, умнейшего дипломата и чудесного ритора Артамона Матвеева. И совершенно адекватным выглядит недоверие к нему, упертому «западнику», патриарха Иоакима. Утверждение у власти такого временщика грозило Церкви самыми неприятными последствиями. А значит, Иоаким имел основания сорвать дворцовый переворот Матвеева—Нарышкиных.

Дело не в том, кому именно отдавал предпочтение Матвеев — представителям протестантских или же католических держав. Дело в другом: он, кажется, больше чувствовал себя европейцем, чем русским. Делая своей супругой шотландку Гамильтон, Матвеев осознанно шел наперекор старомосковским брачным обычаям. Это, может быть, первый крупный государственный деятель России с чаадаевским складом ума. В 1675 году его дом посетили имперские дипломаты, и один из них оставил краткое, но красноречивое описание этого визита: «Потолок залы был разрисован; на стенах висели изображения святых, немецкой живописи; но всего любопытнее были разные часы с различным исчислением времени. Так, одни показывали часы астрономического дня, начиная с полудня (какие употребляются и в Германии); на других означались часы от заката солнца, по счету богемскому и итальянскому, иные показывали время от восхода солнца, по счислению вавилонскому, другие по иудейскому, иные наконец начинали



день с полуночи, как принято латинской Церковью. Едва ли можно найти что-нибудь подобное в домах других бояр. Артамон больше всех жалуется иностранцев (о прочих высоких его достоинствах говорить не стану), так, что немцы, живущие в Москве, называют его своим отцом; превышает всех своих соотечичей умом и опередил их просвещением. Из всех русских бояр и князей у одного его сына, вопреки народному обычаю, растут на голове волосы, и он учится у иностранцев обхождению, языкам и разным наукам... Достоинства этого необыкновенного человека равняются его славе...»<sup>14</sup>

У Иоакима, строгого приверженца православных устоев, сурового воина за интересы Церкви, такой человек мог вызывать лишь крайнюю настороженность. Да и, видимо, не только у него. Матвеев не смог набрать достаточно сторонников, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. Не помогли ему и стрельцы.

Косвенное подтверждение бешеной подковерной борьбы двух «партий» обнаруживается в записках Бальтазара Койэта, дворянина из свиты нидерландского посла, явившегося тогда в Москву для переговоров. «В пятницу, 24-го апреля [1676 года], около 10-ти часов, пришел пристав с лошадьми и каретою... Прибыв в кремль, *мы уже не застали столько стрельцов, как раньше*: тут было не более 6—8 отрядов в простых траурных одеждах и все было тихо»<sup>15</sup>. Койэт осторожно «проговаривается»: стало быть, прежде, вскоре после смерти Алексея Михайловича, Кремль наводняли стрелецкие отряды и было там немирно. Между тем в отрывках, посвященных кончине Алексея Михайловича, он писал лишь о толпах людей, приносивших присягу царю Федору III, а не о воинских отрядах. По всей видимости, нидерландский дворянин оставил намек для «понимающих людей».

Алексей Михайлович умирал от общего расстройства здоровья: весьма тучный человек, он страдал цингой, водянкой и, вероятно, мучился от повышенного давления. К этим хворям добавилась простуда, вызвавшая сильный жар. Но на протяжении последних своих дней, находясь при смерти, царь, как можно убедиться по приведенным выше свидетельствам, ясно высказал свою волю: трон достанется Федору; вельможам следовало тут же поклясться наследнику в верности.

Царевича водили проститься с отцом, и юноша увидел печальное зрелище: огромное тело Алексея Михайловича, повсюду обложенное льдом, скорбные лица священников, настороженные взгляды бояр... Отец уходил из жизни рано.

Сыну не хватало нескольких лет до полного вступления в державные дела. И, наверное, глядя на измученного родителя, царевич думал: «Не успел... Времени не хватило! А сколько еще мог сделать — не старый ведь, совсем не старый...» Кончина отца могла заронить в сердце сына жадное стремление: надо спешить! Надо успеть. К Федору Алексеевичу пришло тогда горькое знание: иной раз Господь назначает последний срок гораздо раньше, чем мыслил и желал человек. Значит, следует не щадить себя, иначе время утечет бесполезно. А его так мало...

29 января 1676 года государь, царь и великий князь Московский и всея Великия, Малыя и Белья России самодержец Алексей Михайлович ушел из мира живых.

Иноземные дипломаты отметили необыкновенную быстроту, с которой Федора Алексеевича возвели на престол.

Как только Алексей Михайлович скончался, «...как старший сын его... Феодор Алексеевич... боярами, находившимися при царе, был препровожден в большой зал и здесь в царских регалиях посажен на царский трон. Он поцеловал крест и, вслед за тем, вельможи и бояре принесли новому государю и царю присягу в верности, целуя крест, который держал в руках патриарх или праотец. Целую ночь продолжалось присягание всех дворян, стольников и разных дворцовых служителей. Посланы были гонцы во все концы государства; все иностранные офицеры и чиновники, обязанные присягать, призваны были во дворец, где они принесли присягу перед двумя Московскими проповедниками, одним реформатским и другим лютеранским. Это произошло часов в 11 ночи»<sup>16</sup>.

Очевидно, борьба между сторонниками двух царевичей — отрока Федора и младенца Петра — шла при дворце с переменным успехом. И рисунок ее не столь прост, как показано в приведенном выше сообщении.

Нарышкины с Матвеевым, как уже говорилось, предприняли ряд мер, отстаивая интересы своего претендента. Тогда их оппоненты нанесли ответный удар. Милославские и Долгорукие торопились с присягою, учитывая опасность, грозящую им от Артамона «со товарищи». Эта не вполне приличная суетливость обеспечила им бесповоротную победу. Уже под вечер того дня, когда ушел из жизни Алексей Михайлович, с планами Матвеева и Нарышкиных было покончено. Возможно, царевич Федор просидел несколько часов взаперти. Возможно, его младший брат, совершенно не понимая, что с ним вытворяют, несколько раз коснулся царского кресла попойкой.

Но на том все успехи Нарышкиных и завершились. Милославские возобладали.

Зато у Милославских появились две большие проблемы.

Во-первых, царевич Федор действительно расхворался в тот момент. Он чувствовал себя очень плохо.

Это бесспорный факт. Во время похорон Алексея Михайловича его сына несли одетым в черное и с обнаженной головой то ли на особых носилках, то ли на санях. Можно, конечно, счесть это особой почестью, оказываемой наследнику. Но, весьма возможно, он просто не мог передвигаться самостоятельно. Шесть лет спустя, в день похорон самого Федора, его младший брат и преемник Петр пойдет за гробом государя на своих ногах — носилки не пригодятся... Когда Федор Алексеевич, еще не сняв траура, дал первую аудиенцию нидерландскому послу, выглядел он скверно. И его состояние не удалось скрыть от внимательных взглядов иностранцев: «Придя в зал, мы увидели, что все сверху донизу в трауре; там было так полно людей, как я еще не видел никогда. Его превосходительство\* стал, как и раньше, прямо против его царского величества; нас расставили так, что мы все могли видеть его величество прямо в лицо. Это был молодой государь, довольно красивый, но, по болезни, с лица немного желтый и одутловатый. Он сидел на троне отца, покрытом также черным; сам его величество был одет в черную дамастовую одежду, подбитую соболями. На голове его была черная суконная шапка, подбитая соболями, а в руке черного дерева костыль, на который он часто опирался, так как был очень слаб. Четыре господина, которых мы раньше видели в белых дамастовых, подбитых собольим мехом одеждах и с топориками на плечах, теперь были совершенно в трауре вплоть до топориков, которые были обтянуты черным»<sup>17</sup>. При следующей аудиенции, через две недели, юный царь не имел достаточно сил, даже чтобы громко разговаривать. Его слабый голос звучал едва различимо<sup>18</sup>. В середине февраля, по документам Аптекарского приказа, Федор Алексеевич «скорбит ножками»; врачи ставят диагноз: «Цинга!»<sup>19</sup>

Во-вторых, разбитый Матвеев еще не был удален от двора.

За здоровье наследника, как видно, всерьез опасались. Но не только и даже не столько потому, что он плохо ходил. Причина другая. Милославские готовились к худшему: бунт, открытое покушение на царевича Федора, любой обман, махинация, попытка отравления. Всё возможно! Матвеев оставался при дворе, он еще выполнял обязанности главного российского дипломата. У него хватило бы энергии, дерзости и влияния на новую каверзу. А потому после похорон Алексея

---

\* Имеется в виду посол.

Михайловича родственники его старшего сына «...стали усиленно заботиться о здоровье Феодора: три тетки и шесть сестер, рожденных от Милославской, расположившись возле него, сидели безвыходно и оберегали всячески его здоровье...»<sup>20</sup>.

Матвеев продержался на высоте своей власти еще несколько месяцев. Он участвовал в дипломатическом церемониале как первенствующее лицо. Он стоял рядом с молодым царем и, когда требовалось, поддерживал его руку. Иначе говоря, смертельная опасность пребывала в шаге от Федора Алексеевича.

Более того, Матвеев еще оказывал покровительство зарубежным посланникам. Как видно, он и не собирался уходить в тень. Возможно, надеялся избежать опалы. А возможно, по-немногу строил новую «комбинацию».

Очень показательна его как бы случайная встреча с нидерландскими дипломатами. Она произошла через несколько дней после смерти Алексея Михайловича.

Сам Матвеев и его приближенные полны печали. Надо думать, причиной стало не одно лишь оплакивание усопшего. Сорвался столь многообещающий план! Но царедворец не теряет уверенности в своей силе и влиянии: «Посол и все его домочадцы надели траур по поводу смерти его величества (Алексея Михайловича. — Д. В.). До обеда боярин Артемон Сергеевич, в сопровождении многих саней, совершенно в трауре и с обнаженной головою, медленно проехал мимо двора его превосходительства, в то время как фан-Асперен и я *случайно* стояли у ворот. Он казался очень опечаленным, подал нам руку и, проехав немного, подозвал фан-Асперена, спросил о здоровье его превосходительства и сообщил заодно, что *для его вельможности при дворе и теперь все останется по-прежнему*. После обеда его превосходительство послал господ маршала, Бюдэйна и фан-Асперена, всех в трауре, в приказ или канцелярию, чтобы засвидетельствовать господину Артемону Сергеевичу соболезнование по поводу смерти его царского величества. Не застав его однако здесь, они принуждены были отложить посещение до следующего дня, когда думали застать его утром рано дома... Во вторник три означенные господина отправились... ко двору Артемона Сергеевича, чтобы исполнить то, что им было поручено. Когда они подошли к крыльцу, гофмейстер, *со слезами на глазах*, проводил их наверх, где они в сенях встретили массу людей, которые *все были очень печальны*. Когда боярин их принял и маршал начал говорить, то и сам вельможа и все находившиеся в комнате разразились рыданиями. Он благодарил его превосходительство за сочувствие и утешение в горести и уверял, что *господа*

*не переменились, что те же господа останутся у власти, кроме разве того, что, в виду малолетства его царского величества, четверо знатнейших будут управлять на ряду с ним. Он прибавил, что дела его превосходительства теперь пойдут вперед так же, как и прежде, и скоро получают хорошее окончание»<sup>21</sup>.*

Вот так.

При всей «печали» Матвеев со своими сторонниками не торопился покидать дворец. Он проиграл, но еще мог надеяться на победу. И пока царь Федор III чувствовал себя плохо, у Нарышкиных с Матвеевым оставался шанс — либо оттеснить его от власти, либо порадоваться на его похоронах и сделать его преемником царевича Петра. В конце концов, русская история знает как минимум один случай подобного рода. В 1605 году царь Федор II Борисович из династии Годуновых принял присягу, но очень скоро был свергнут. Подданные предпочли ему Лжедмитрия I. А у Нарышкиных за пазухой не расстрига с сомнительной репутацией, а природный царский сын, пусть и совсем малютка...

Но с тезкой Федора II ничего худого не случилось. Слава богу, царь Федор III победил хворь, и царствование его счастливо продолжилось.

В правлении этого государя есть один весьма важный рубеж — венчание на царство. Оно долго оттягивалось. Алексей Михайлович умер на исходе зимы. Так вот, *на протяжении всей весны* его сын не мог пройти венчального обряда. Следовательно, он оставался как бы не вполне царем. Законность его правления выходила неполной, поскольку Церковь не дала официальной санкции, получаемой государем через этот обряд.

Очень долго. Слишком долго. Несообразно с политическим обычаем того времени.

К тому могло быть две причины. Первая из них ясна: Федор Алексеевич болел. Вряд ли его хотели вывести на всеобщее обозрение с желтым опухшим лицом и при костыле. Но на ход дел могла повлиять и вторая причина: при дворе сохраняла силу та «партия», для которой он оставался нежеланным государем.

Межеумочное положение закончилось летом 1676 года. Оправившись от болезни, Федор Алексеевич торжественно венчался на царство 18 июня под сводами Успенского собора. Эта церемония отличалась не только пышностью, но и утомительными тяготами для того, кто оказывался в самом ее центре. Монарху требовалось участвовать в долгих молебствиях, производимых духовенством, затем принять царские регалии (золотой крест-мошевик, драгоценную царскую шапку «Большого Наряда», княжеский пояс, золотую цепь, скипетр и дер-

жаву), потом совершить шествие в Архангельский собор и Никольский храм. Вокруг него в толпу бросали коронационные монеты из золота и серебра, а сам он, облаченный в тяжелое золототканое одеяние, «плыл» по летней жаре от одного храма к другому. Всё это происходило неспешно и призвано было создать впечатление роскоши, блеска. Совершив все традиционные действия, царь оставался пировать с избранными людьми. Пир мог затянуться надолго... Если представить себе картину венчальных торжеств от начала и до конца, станет ясно: пока царское здоровье оставляло желать лучшего, монарха просто не рискнули бы выпустить на столь долгое и тяжкое действо.

Значит, к тому времени Федор Алексеевич больше не жаловался на болезнь.

С этого момента в борьбе «партий» наступила полная определенность: «Когда царь Феодор, выздоровев, венчался на царство, то, помня недоброжелательство к себе Артемона и опасаясь козней и отравы с его стороны (распустили молву, будто Артемон чернокнижник и водится со злыми духами, о чем пытали его слуг и даже карлика), наказав кнутом его самого и его сына, сослал в ссылку в Верхотурье»<sup>22</sup>. До столь дальних мест Матвеев не доехал. Его доставили в Казань, там произвели над ним следствие и лишили боярского чина, а вместе с ним земельных владений. Оттуда могучий временщик предыдущего царствования отправился в захолустный Пустозерск.

Возникает вопрос: чего было больше в действиях Федора Алексеевича — личного или кланового? Сам ли государь принимал решение удалить Матвеева, или же его рукой, подписывавшей соответствующий указ, руководила воля родни — Милославских? И в конечном итоге кто действительно правил страной, пока царь оставался в отроческом возрасте, — он сам или же придворная партия Милославских — Долгоруких?

Это один из важнейших вопросов, касающихся не только восшествия на престол, но и всего царствования третьего монарха из рода Романовых.

Ответить на него очень непросто. В сущности, прямого, однозначного ответа сейчас наука не дает, да и вряд ли он когда-нибудь появится. Жизнь двора, а особенно царской семьи, отличалась крайней закрытостью. Любопытствующие взоры подданных и еще того более — иноземцев — редко вырывали какие-либо примечательные детали из семейного быта ранних Романовых. Вглядываясь в их судьбы, многое приходится угадывать, додумывать, оставлять на уровне предположений.

Итак, формально колоссальной страной правил юный царь. От его имени выходили указы, направлялись инструкции воеводам в городах и полках, назначались и снимались должностные лица. Но Россия того времени обладала мощным слоем «служилой аристократии» — превосходной военно-политической элиты. А та отлично умела распоряжаться государственными делами в отсутствие всякого царя или даже навязывала царю свою волю — как происходило, например, в малолетство Ивана Грозного. Правда, ее самовольство и корыстолюбие могли нанести вред, а еще того более вред происходил бы от постоянных свар в ее среде. Но урон подобного рода нарастал бы постепенно, он сделался бы очевидным в течение нескольких лет, а не сразу. И только тогда стало бы ясно, что дела вершит узкий круг знати, а истинного правителя нет.

В отношении короткого царствования Федора Алексеевича трудно сделать определенные выводы.

Большинство исследователей уверены: в 1679—1682 годах Федор Алексеевич ведет себя как полноправный самодержец. Действительно, на протяжении двух-трех последних лет своего царствования Федор Алексеевич постоянно и активно вмешивается в важнейшие государственные дела, на реформах того времени лежит явственный отпечаток его личности. Он правит деятельно, затевает всё новые и новые проекты, борется за их осуществление, маневрирует, когда прямой приступ не удастся. Сомнений нет: бразды правления принадлежат государю.

Но как обстояли дела до того?

Федор Алексеевич был юн, хвор, неопытен в державной работе. Отсюда просится вывод: рядом с ним, его руками правила та же самая «служилая аристократия»: Долгорукие, Одоевские, Милославские, близкий к ним по значимости клан Хитрово и т. п. И современный историк Н. Ф. Демидова с полной четкостью выразила эту мысль: «Существует ошибочная оценка царствования Федора как продолжения предшествующего правления, дальнейшего развития преобразовательной деятельности Алексея Михайловича. Это не совсем верно, так как правление Федора распадалось на две примерно равные половины, различные по своей направленности (с 1676 г. по середину 1679 г. и с середины 1679 г. по начало 1682 г.)». И далее: «В первые годы фактически к власти пришла партия Милославских, которую возглавлял ближайший родственник царя, двоюродный дядя И. М. Милославский... Второй силой в правлении страной были примкнувшие к Милославскому деятели предыдущего периода — Ю. А. Долгорукий, Б. И. Хит-

рово и Я. Н. Одоевский... Деятели обеих групп захватили в свои руки управление большей частью центральных учреждений (приказов), в том числе наиболее доходных, то есть связанных с денежными сборами. Милославский, Хитрово и Одоевский возглавляли одновременно по 6—7 приказов каждый. Под управлением Долгорукова находилось несколько меньшее количество учреждений... Наблюдалась тенденция к “оттиранию” Милославским остальных своих соправителей от решения государственных вопросов, к единоличному управлению болезненным и слабым племянником»<sup>23</sup>. Другой современный историк, П. В. Седов, также прослеживает «...возрастание личного участия царя Федора Алексеевича в государственных делах... с 1679 г., хотя у него не доставало еще опыта и силы воли, чтобы настоять на своем решении». По наблюдениям автора этих строк, активность Федора Алексеевича как правителя начинает увеличиваться уже в 1678 году, но никак не раньше.

О том, сколь значительной силой обладали между 1676 и 1679 годами Милославские, а с ними и другие аристократические семейства, разговор пойдет ниже, в главе «Реформатор». Но для начала следует избавиться от нескольких стереотипов относительно Федора Алексеевича, кочующих из книги в книгу.

Во-первых, взросление мужчины в условиях допетровской Руси происходило очень рано. Сверстники юного царя садились в седло, брали в руки оружие и отправлялись сражаться против турок, татар, поляков, шведов — словом, куда пошлют. Пятнадцать лет — возраст, с которого все дворяне, от нищих «городовых» помещиков до выходцев из высшей знати, начинали служить «на великого государя». К тому времени они порой успевали жениться.

Выходит, пусть новый царь и юн, но в глазах страны он все не выглядит мальчишкой. Да, его опекают родственники. Однако их опеке есть своя граница. Если государь пожелает одного, а они — другого, то он имеет полное право поступить по-своему. И никто из подданных не удивится и не осудит его за это.

Во-вторых, не стоит думать, что Федор Алексеевич проболел всё свое царствование. Это, мягко говоря, преувеличение. Да, время от времени ему становилось плохо. Расхворался он в первые месяцы правления, болел с декабря 1677 года по февраль 1678-го, страдал от тяжелого заболевания в начале 1678 года, мучился зимой 1678/79-го, и новый приступ нездоровья унес его в могилу на рассвете 1682 года. Но в промежутках между ухудшениями здоровья царь, видимо, чувствовал себя



нормально. Любил музыку, поэзию, верховую езду и высоко ценил хороших лошадей. Ездил на длительные богомолья. Наконец, принимал иноземных послов, и когда читаешь их отзывы, то вовсе не возникает впечатления, что они общались с какой-то бледной немочью.

Показательны воспоминания иезуита Бернгарда Таннера, оказавшегося в свите князя Михаила Чарторыйского — польского посла ко двору Федора Алексеевича в 1678 году. Он пишет: «На... троне высоко восседал великий князь московский. Величие его, к удивлению присутствовавших, превосходило его возраст (ему было 18 лет); голову князя украшала блиставшая шапка, поверх коей была золотая, богато украшенная дорогими камнями и другими драгоценностями корона; в руках был княжеский скипетр. Кафтан (*tunica*), на который от чрезмерного блеска (я стоял близко) нельзя было пристально смотреть, был столь роскошен, что и после, при возвращении на посольское подворье, только и было разговору что о нем. Верхнее одеяние (*paludamentum*), накинутое как мантия, так блистало алмазами и жемчужинами, что московского царя, красовавшегося в этом убранстве, называли убранным звездами солнцем (!) По сторонам трона стояли четыре служителя с оружием... и великий маршалок, по имени Долгорукий, через которого князь говорил с послами. Остальную часть палаты наполняли сановники и прочая знать числом свыше пятидесяти. Наряды их, казалось, затмевали один другой... Сам князь обратился к стоявшим у самых ступеней престола послам с такими словами: “Как се брат наш Ян, круль польски, мают, то есть как здоров брат наш Ян, король польский?”»<sup>24</sup>.

Итак, «болезненный и слабый» государь Федор Алексеевич сидит на троне под тяжестью роскошного одеяния, усыпанного драгоценными камнями, и ведет беседы на польском языке. Он оставляет впечатление полнейшего великолепия у самых упорных и самых опасных врагов России на протяжении всего XVII века.

Позднее Таннер увидит его еще несколько раз. Например, в день произнесения присяги о соблюдении договорных условий.

Вот соответствующий отрывок из его записок (август 1678 года): «Сначала пришел как бы епископ с несколькими попами, несшими книгу Евангелие. Когда разместились они перед тронем, епископ (*supremus praefectus*) стал говорить формулу присяги, которую царь, наклонив немного голову, повторял и так проговорил всю до конца. С окончанием ее условия сенаторов наконец были утверждены прочно, и предприятие послов кончилось с успехом. Царь велел также пере-

дать королю условия договора, и стоявший при нем князь сейчас же, поклонясь перед тронем, подошел к послам и вручил им государеву грамоту... запечатанную великой печатью»<sup>25</sup>.

Вновь видно: царь свободно разговаривает с послами, легко воспроизводит длинную формулу присягания, руководит своими вельможами... Никакой «болезненности» нет и в помине.

Остается сделать вывод: в биографии царя Федора Алексеевича выдавались длительные промежутки, когда нездоровье отступало. Тогда он мог полноценно осуществлять свои планы.

Что же касается неопытности Федора Алексеевича, не стоит забывать: он получил изрядное по тем временам образование, к тому же отец на протяжении как минимум нескольких месяцев приучал его к государственным делам. Это совсем не тот «несмысленный» юноша, каким вступал на престол его дед, Михаил Федорович. Государь Федор Алексеевич знал и понимал многое.

Допустим, первое время — год, два, от силы три, — ему действительно помогали родственники, а также их влиятельные союзники. Их воля, по всей вероятности, имела преобладающее значение. Новый монарх еще только пробовал свои силы, только входил в роль правителя. Однако *не видно причин, по которым государь не мог проявить собственную волю уже тогда*. У юного царя имелись возможности настоять на своем — хотя бы по некоторым вопросам. Правда, серьезным ограничителем его деятельности стало отсутствие «команды» — группы «ближних людей», готовых с необходимым рвением проводить его замыслы в жизнь.

Итак, на протяжении первых лет царствования Федора Алексеевича, скорее всего, важнейшие вопросы решались его родней Милославскими и союзными им семействами знати. Но нельзя механически исключить самого государя из большой политики. Вероятно, царь так или иначе влиял на политический курс.

В деле Матвеева, надо полагать, важную роль сыграл сам государь. Не только у рода Милославских с присными имелись причины враждебно относиться к Матвееву, но и лично у монарха. Дело тут не в нескольких часах, проведенных под замком, — пусть это и унизительно. Конфликт уходил корнями в последние годы правления Алексея Михайловича. Уже тогда Матвеев старался оттеснить Милославских на периферию царского двора, уже тогда он сделался их притеснителем. Эта его неблагоприятная роль, как видно, получила широкую известность. О ней знали даже заезжие иностранцы. «При жизни прежнего царя Алексея Михайловича царским двором

управлял Артемон Сергеевич и [он же] был посольским канцлером. Когда первая супруга царя Мария Ильинична Милославская умерла, оставив после себя двух сыновей и шесть незамужних дочерей, Артемон начал преследовать этих последних и усилил свои преследования еще более после того, как добился того, что царь женился на его родственнице Наталии Кирилловне, дочери смоленского капитана Кирилла Нарышкина»<sup>26</sup> — так напишет один из них. И этим словам нет причин не доверять. Слишком тесно связал себя Артамон Матвеев с Нарышкиными, слишком энергично вел он свою родню к трону, чтобы водить дружбу с прямыми конкурентами.

Ну а Федор Алексеевич уже дорос до того возраста, когда подобные вещи становятся ясны и обидны. Став монархом, он не имел причин щадить человека, ставшего во враждебные отношения и с его родом, и с ним самим. Власть Артамона Сергеевича, ставшая последние годы весьма значительной, осталась без той незыблемой опоры, которую давала монаршая благосклонность. Самостоятельно удержаться у власти он не мог: «служилая аристократия» отворачивалась от него — худородного выскочки. Матвеев, один из крупнейших государственных деятелей предыдущего царствования, оказался и неприятен новому царю, и небезопасен для него.

Что ж, царь распрощался с этим вельможей без сожалений.

Любопытно, что до венчания Федора Алексеевича на царство Милославские не могли уничтожить Матвеева. Они сумели всего-навсего лишить временщика власти над Аптекарским приказом. Тут, допустим, речь шла о жизни и смерти: Аптекарский приказ обеспечивал здоровье государевой семьи и прежде всего самого монарха. Но дипломатическое ведомство оставалось у Матвеева под контролем. Его убрали со всех постов и отправили в ссылку лишь к исходу лета. И, возможно, сделали это не Милославские всем скопом, а царь-отрок: он почувствовал себя венчанным государем и не пожелал оставить Матвеева в опасной близости от себя.

Нарышкины — вдовствующая царица Наталья Кирилловна, царевич Петр, царевны Наталья и Феодора — не пострадали. Разве что отошли в жизни двора на второй план, да братьев Натальи Кирилловны сослали.

Возможно, всем остальным защитой послужило доброе отношение юного царя. В глазах Милославских Наталья Кирилловна и ее детвора были никто. Хуже чем никто! Возможные претенденты на власть. Следовательно, они представляли собой живую угрозу. С ними могли сотворить большое лихо — тайно ли, явно ли... Но, как видно, Федор Алексеевич видел в мальчишке Петре и девочках-царевнах братишку и сестренку.

Не врагов, а родную кровь. А потому не позволял отогнать их подальше от двора и тем более обвинить в каких-либо тяжких преступлениях. О Петре он даже позаботился — устроил ему при кремлевских палатах «потешную площадку» с разнообразным воинским снаряжением и отыскал с течением времени хороших учителей.

Итак, тусклое, хворое солнышко нового царя медленно всходило над Русской землей. Оно поднималось из туманов, коими укрыта попытка дворцового переворота, из теней, прячущих зависть и злобу при дворе. Оно стремилось выше свинцовых дождей лжи, выше оловянных туч недоброжелательства. Находились те, кто с удовольствием убрал бы его с небосвода...

Но Бог велел ему взойти, и оно послушно отправилось в зенит.

Государю Федору Алексеевичу предстояли шесть лет правления.